

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 904

DOI 10.17223/19988613/47/13

В.М. Строгоцкий

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА ФУКИДИДА О ПРИЧИНАХ И ПОВОДЕ ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются различные толкования сообщения Фукидида о причинах и поводе Пелопоннесской войны. На основе анализа различных переводов текста древнегреческого историка обозначена авторская точка зрения относительно истиннейшего повода Пелопоннесской войны – страх лакедемонян перед усилением военной мощи афинян, а также основных причин, побудивших обе враждующие стороны к развязыванию военных действий. Раскрыто своеобразие взаимоотношений понятий «повод» и «причина» в текстах Фукидида, жившего в эпоху расцвета древнегреческой философии, в период развития старшей софистики: повод – это сущность, а причина – это явление, т.е. сущность всегда является, раскрывается через причины. При этом установлена параллель между древнегреческим философским толкованием повода и причин как сущности и явлений у Фукидида и философией теории познания Канта как постижения в себе сущего.

Ключевые слова: Фукидид; Пелопоннесская война; лакедемоняне.

В центре внимания моего анализа будет сообщение Фукидида (Thuc. I. 23.5–6), вызвавшее дискуссию среди современных исследователей. Ф.Г. Мищенко дает адекватный перевод текста историка и следующим образом излагает его мысль: «Чтобы в будущем кто-нибудь не стал доискиваться, откуда у эллинов возникла такая война, я предварительно изложу распри и причины, вследствие которых мир был нарушен» [1].

Перевод Ф.Г. Мищенко почти идентичен тексту историка за исключением понятий *распри* и *причины*. Перевод же Г.А. Стратановского соответствует оригиналу [2]. Согласно Фукидиду (Thuc. I. 23.5), он сначала упоминает о *причинах*, а потом о *разногласиях*, заменив это слово выражением «жалобами с обеих сторон».

Английский переводчик Фукидида Ч.Ф. Смит дает перевод текста весьма свободный, используя часто различные синонимы для терминов, которые у греческого историка имеют вполне конкретное содержание. Особенно следует обратить внимание на выражение Фукидида, которое имеет важное значение для данного исследования об истиннейшем поводе Пелопоннесской войны. «*Истиннейший повод*», хотя на словах и «*наиболее скрытый*», по моему мнению, состоит в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынудили их начать войну. Ч.Ф. Смит дает свободную трактовку этого выражения: «The truest explanation although it has been the least often advanced, I believe to have been the growth of the Athenians to greatness, which brought fear to the Lacedaemonians and forced them to war» («Истинным объяснением, хотя оно и наименее выдвигаемо, я считаю укрепление величия афинян, которое принесло страх лакедемонянам и вынудило их к войне») [3].

Что же касается основных причин, приведших к нарушению мира и возникновению войны, о которых, по мнению Фукидида, афиняне и лакедемоняне говорили открыто, то они заключались в следующем. Первая при-

чина связана с распрями между Коринфом и Керкирой из-за Эпидамна и включением в них афинян. Афиняне заключили не полноценный союз с Эпидамном, а оборонительный (эпимахию), чтобы не нарушать тридцатилетний мир с пелопоннесцами (Thuc. I. 24–55). Но, говоря об этом, Фукидид вместе с тем замечает, что афиняне были убеждены, что война ведется с пелопоннесцами (Thuc. I. 44.2).

Другой причиной Пелопоннесской войны был спор между афинянами и пелопоннесцами из-за коринфской колонии Потидеи, которая после Саламинской битвы в 480 г. стала союзником Афин. Афиняне опасались, как бы потидеяне, подстрекаемые коринфянами и македонцами, не отложились от них и не увлекли за собой прочих афинских союзников на фракийском побережье. Поэтому они потребовали от потидеян срыть стены со стороны Палены, выдать заложников, отослать эпидемиургов, которых ежегодно присылали коринфяне, и впредь их не принимать (Thuc. I. 56–65).

По поводу интерпретации сообщения Фукидида (Thuc. I. 23.5–6) есть несколько точек зрения. Сент Круа защищал теорию о том, что Пелопоннесская война была результатом соперничества между Афинами и Коринфом [4. С. 214–220]. Эта теория строилась на основе коммерческих или экономических противоречий между Афинами и Коринфом. Так, Коквелл подчеркивает, что торговля и политика в Древней Греции были разделены [5. С. 20], дополнительно аргументируя свое утверждение указанием на статью Вулли [6]. Теория возникла вследствие убеждения, что Архидамова война была по существу войной коринфской, поскольку Коринф был развитым коммерческим полисом, но каких-либо доказательств соперничества между Афинами и Коринфом не было, например, в VI в. до Р.Х.

Согласно Геродоту, во время конфликта между Афинами и Эгиной коринфяне находились в большой дружбе с Афинами и предоставили им 20 кораблей для нака-

зания эгинцев за то, что они захватили священный афинский корабль со знатными афинянами и заключили их в оковы (Hdt. VII.89).

Казалось бы, в V в. могло иметь место соперничество, но, как сообщает Фукидид, в 440 г. коринфяне убедили пелопоннесцев не оказывать помощь самосцам, восстановили против афинян (Thuc. I. 40.5; 41.2), что также косвенно может указывать на отсутствие противоречий в это время между Афинами и Коринфом.

Вторая точка зрения, которую поддержал Сент Круа, заключается в том, что виновницей Пелопоннесской войны была Спарта, решившая разрушить афинское могущество [4].

Противоположный взгляд, отстаиваемый Бэдином, заключается в том, что Афины под руководством Перикла стремились развязать войну [7]. И, наконец, необходимо учитывать и взгляд самого Фукидида, согласно которому рост афинского могущества испугал Спарту и заставил ее предпринять войну (Thuc. I. 23.6).

Коквелл, анализируя эти мнения, высказал гипотезу о том, что Фукидид, характеризуя *причины* и *повод*, менял свое мнение [5]. Ссылаясь на статью А. Эндрюса [8], он считает, что текст I. 23.6, где говорится об *истиннейшем поводе*, вызвавшем войну, был написан Фукидидом значительно позже, чем текст I. 23.5, где он говорит о причинах Пелопоннесской войны. В связи с этим Коквелл пытается объяснить, почему текст I. 23.6 является дополнением, вставленным гораздо позже.

Выделяя два эти текста как написанные в разное время, Коквелл считает, что поскольку текст I. 23.6 был дополнением, написанным позже, то Фукидид, по его мнению, думал, что тот, кто интересовался причинами Пелопоннесской войны, был бы вполне удовлетворен чтением о событиях, связанных с Керкирой и Потидеей. Что же касается знакомства с более глубоким объяснением того, почему началась Пелопоннесская война, то, как считает Коквелл, Фукидид побуждает интересующихся обратиться к чтению экскурса о Пентеконтаэтии.

Итак, по мнению исследователя, высказывание Фукидида о начале Пелопоннесской войны менялось. Первоначально он рассматривал ее как Коринфскую войну и только позже пришел к истинному объяснению ее возникновения. В данном случае Коквелл развивает идею, кратко высказанную в упомянутой статье А. Эндрюса и получившую более обстоятельное рассмотрение в книге К.В. Форнары и Л. Дж. Сэмсона [9].

Именно по этой причине Коквелл и противопоставляет два текста Фукидида I. 23.5 и I. 23.6, считая, что второй был добавлен вместе с экскурсом о Пентеконтаэтии после 404 г. до Р.Х.

Однако внимательное рассмотрение содержания и структуры первой книги сочинения Фукидида не дает оснований согласиться с этой точкой зрения. Главными проблемами содержания первой книги Фукидида являются рост противостояния между Спартой и Афинами, расширение и укрепление афинского могущества и обу-

словленное этим усиление страха лакедемонян перед Афинским морским союзом.

Историк кратко в первых 19 главах, описав древность в своей Археологии, а также охарактеризовав методы своего исследования и описания (Thuc. I. 20–22), затем в двух параграфах 23-й главы (Thuc. I. 23.5–6) сообщает, что сначала он охарактеризует *причины* и *распри*, вследствие которых мир был нарушен, а потом *истиннейший повод*, хотя на словах и *наиболее скрытый*, состоящий в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и остальным пелопоннесцам и тем самым вынудили их начать войну.

Завершая 23-ю главу первой книги, историк раскрывает *причины*, «о которых с обеих сторон *говорилось открыто* и которые привели к нарушению мира и возникновению войны». И далее Фукидид переходит к детальному описанию причин и распри, о которых уже говорилось (Thuc. I. 24.87). При этом важно отметить, что Фукидид строго придерживается своего плана и говорит только о *распрях* и *причинах*, не подменяя их *поводом*.

Переводчики, включая Ф.Г. Мищенко и Г.А. Стратановского, как раз этот принцип нарушают. Так, Ф.Г. Мищенко, завершая описание первой причины, приведшей к войне, пишет (Thuc. I. 55.2): «...следовательно, *первым поводом* к войне между коринфянами и афинянами послужило то, что афиняне, состоявшие в сговоре с коркирянами, сражались на море вместе с ними против коринфян» [1]. За ним следует и Г.А. Стратановский, называя *первую причину поводом* (Thuc. I.55.2) [2]. У Фукидида же речь идет о *первой причине*. Английский переводчик Ч.Ф. Смит использует в этом случае термин ground, который по своему значению ближе к понятию «повод», чем «причина» или «разногласие»: «And this was the first Ground which the Corinthians had for the War against Athenians, because they had fought with the Corcyreans against them in time of truce» (Это было первое основание, которое Коринфяне имели для войны с Афинянами, потому что они боролись с Коркирянами против них во время перемирия) [3].

Фукидид в этом случае использует термин «разногласия», «споры» (Thuc. I. 56.1). Английский переводчик Ч.Ф. Смит в данном случае передает более адекватно текст Фукидида, используя выражение «caused difference between the Athenians and the Peloponnesians» («вызвана различиями между афинянами и пелопоннесцами») [Ibid.].

Говоря об *истиннейшем поводе*, хотя *на словах и наиболее скрытом*, Фукидид подчеркивает, что он состоял в том, что афиняне своим усилием стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынудили их начать войну (Thuc. I. 23.6).

Итак, в отличие от *причин, поводом*, приведшим к войне, Фукидид считал не речи союзников с той и другой стороны, которые *раскрывали сущность причин*, а *страх* лакедемонян, опасавшихся дальнейшего роста их могущества, о чем Фукидид и говорит в 88-й главе первой книги (Thuc. I.88).

Таким образом, основная мысль Фукидида, четко сформулированная в первой книге его истории, заключается в том, что, по его мнению, главными были не причины Пелопоннесской войны, о которых говорилось открыто, а истиннейший повод – страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин. И Фукидид не подменяет причины поводом, а повод причинами.

Тем не менее переводчики, исследователи и авторы учебных пособий по истории Древней Греции нередко дают отличную от оригинала интерпретацию соответствующих мест у Фукидида.

Так, например, С.И. Соболевский пишет, что Фукидид, переходя к рассказу о причинах войны, делит их на официальные причины и причины скрытые, но истинные, которые заключались в том, что афиняне становились сильными и внушали страх спартамцам [10. С. 79]. Исследователь не проводит различия между поводом и причинами. Он говорит, что поводом к войне послужили события в Эпидалене и далее подчеркивает, что это было первое основание вражды коринфян и афинян. Затем поясняет, что второй причиной их раздора была Потидея. Содержание этого суждения отличается от мысли Фукидида, высказанной в 23-й главе первой книги.

А.И. Немировский также отмечает, что Фукидид, закончив введение и в двух главах (Thuc. I. 21–22) высказав свое отношение к задачам историка и целям исторического труда, в 23-й главе первой книги формулирует скрытую от поверхностного взгляда причину Пелопоннесской войны – усиление Афин, внушавшее страх лакедемонянам. В последующих главах (Thuc. I. 23–88) Фукидид обстоятельно излагает поводы войны. Как отмечает А.И. Немировский, «затем автор вновь возвращается к намеченной во введении причине Пелопоннесской войны и в связи с этим показывает рост могущества Афин после войны с персами (Thuc. I. 89–117)» [11. С. 57].

Составители учебных пособий также порой произвольно трактуют мысли Фукидида. Так, в учебнике «Очерки истории Древней Греции» К.М. Колобова и Л.М. Глушкина отмечают, что Пелопоннесская война была вызвана рядом причин экономического и политического характера, способствовавших росту противоречий между Спартой и Афинами. Поводами к войне они называют те события, которые Фукидид как раз считал причинами [12. С. 210–213].

Термины «основание» («повод», «мотив») и «причины» («обвинения», «жалобы», «повод», «основания») Фукидид использует несколько раз в своем сочинении. Но он использует их чаще всего не как синонимы. На это отчасти указывает и его главная мысль о том, что о причинах войны или других событиях обычно говорят открыто, а повод чаще всего скрыт. Рассмотрим эти случаи.

В 118-й главе первой книги Фукидид, хотя и кратко, фактически излагает ту же мысль, которая была им высказана в 23-й главе (Thuc. I. 118.1). Говоря о керкирских, потидейских и прочих событиях, которые привели к возникновению повода к этой войне, Фукидид отмечает, что, хотя эти события и случились, война между спартамцами

и афинянами сразу не началась. Лакедемоняне, хотя и замечали укрепления афинского могущества, большей частью оставались спокойны потому, что и в предыдущее время не скоро, а только по необходимости решались они на войны, а также и потому, что их удерживали войны внутренние. Но так продолжалось до тех пор, пока могущество афинян не обозначилось ясно и они не стали затрагивать лакедемонских союзников. Тогда лакедемоняне решили со всей энергией объявить афинянам войну и, если можно, сокрушить их мощь (Thuc. I. 118.2).

В главе 133 первой книги Фукидид опять использует термин «повод». Речь идет о том, как спартанские эфоры раскрыли заговор Павсания на основании его переписки с персидским царем. Некий аргилец, посланник Павсания, обнаружив, что все предыдущие посланники не возвращались из Персии, испугался, что и его ожидает та же судьба и обо всем рассказал эфорам. По их совету он устроил помещение с двойной перегородкой, за которой спрятались эфоры, и пригласил для переговоров Павсания. Павсаний, когда пришел, стал спрашивать, по какому поводу он явился сюда в качестве молящего о защите. И в этом случае Фукидид использует термин «повод».

Ф.Г. Мищенко и А.Г. Стратановский не улавливают различия между поводом и причиной, которое имело место у Фукидида. Перевод Ф.Г. Мищенко и А.Г. Стратановского почти идентичен. Они используют при переводе этого сюжета понятие *причины*, так как Ф.Г. Мищенко использует причинный союз *зачем* (когда пришел к аргильцу Павсаний и стал спрашивать, *зачем* тот сюда явился...) [1]. А.Г. Стратановский употребляет понятие *причина* (когда Павсаний пришел в хижину и спросил аргильца о причине его моления о защите) [2]. Английский переводчик Ч.Ф. Смит также использует в этом случае понятие *причина* (reason) [3].

Я думаю, что Фукидид, употребляя термин *повод*, имел в виду, что для Павсания он был скрыт и неизвестен. Мне кажется, и в этом случае Фукидид употребил этот термин в том же значении, что в 23-й главе первой книги.

Следующий случай употребления Фукидидом термина *повод* встречается в 141-й главе первой книги. Он применяет термин в речи Перикла, который, убеждая афинян «не уступать лакедемонянам ни по важному, ни по ничтожному поводу, сохраняя без страха по собственной воле то, которое мы приобрели». В данном случае Фукидид употребляет понятие *повод* в том же значении, которое встречалось выше.

Ф.Г. Мищенко употребляет термин во множественном числе, и у него он приобретает значение *причины* (...не уступать им (лакедемонянам) ни по важным, ни по ничтожным поводам) (Thuc. I. 141.1)) [1]. Перевод А.Г. Стратановского весьма далек от текста Фукидида («...не уступая ни при каких обстоятельствах и без страха отстаивая наше достояние») [2]. Ч.Ф. Смит также вместо фукидидовского термина *повод* употребляет английское слово *pretext* – предлог, отговорка [3].

В главе 146, завершающей первую книгу, Фукидид фактически подтверждает свою главную мысль, выска-

занную в 23-й главе. Он говорит, что такие причины и распри случились с обеих сторон перед весной, возникли непосредственно за событиями в Эпидамне и на Керкире. Спартанцы и афиняне посещали друг друга, правда, без глашатаев, но и не без подозрений, ведь все случившееся подрывало договор и служило поводом к войне. Переводчики вполне адекватно передают эту мысль Фукидида.

В 49-й главе второй книги Фукидид также использует термин *повод*. Характеризуя возникновение в Афинах эпидемии, Фукидид говорит, что у тех, кто до этого был здоров без всякого *повода*, вдруг появлялся сильный жар в голове... *Повод* и в этом случае используется Фукидидом для передачи чего-то скрытого, непонятного.

Переводчики Фукидида, не улавливая глубину его мыслей и отказавшись от понятия *повод*, вполне уместно используемый Фукидидом, не совсем удачно применили в этом случае понятие *причина*.

В 13-й главе третьей книги Фукидид также использует термины *причина и повод*, правда, *повод* он употребляет во множественном числе. Речь идет о митиленянах, которые решили выйти из Афинского морского союза и вступить в Пелопоннесский союз. Причины, по которым митиленяне стремились покинуть Афинский морской союз, как следует из речи митиленских послов, заключались в том, что митиленяне разочаровались в Афинском союзе, потому что в нем союзники перестали быть автономными и были поработаны афинянами.

Послы говорили также о том, что, приняв Митилену в свой союз, пелопоннесцы присоединят к себе город, имеющий сильный флот, в котором теперь нуждаются.

Что касается *поводов*, о которых говорит Фукидид, то, по-видимому, употребляя этот термин во множественном числе, он имел в виду тот же смысл, что и в предыдущей 141-й главе первой книги, где, приводя речь Перикла, Фукидид отмечает, что тот убеждал афинян не уступать лакедемонянам ни по важным, ни по ничтожным *поводам*.

В 13-й главе главным или важным поводом Фукидид считал страх митиленян лишиться в Афинском морском союзе своей автономии и оказаться полностью во власти афинян, как это случилось со всеми остальными союзниками за исключением хиосцев. Возможно, менее важным поводом Фукидид считал, что присоединение митиленян к Пелопоннесскому союзу послужило бы примером и было бы *поводом* для других афинских союзников, прежде всего для хиоса, последнего члена Афинского морского союза, все еще сохранявшего свою автономию, перейти на сторону пелопоннесцев.

Еще раз Фукидид использует термин *повод* в шестой главе шестой книги. В этом случае историк рассуждает так же, как и в 23-й главе первой книги. Он говорит об истиннейшем *поводе*, который имели в виду афиняне, а именно подчинить своей власти весь народ Сицилии, т.е. эллинов и варваров, и который, безусловно, был скрыт, а в качестве благовидного предлога они открыто заявляли, что хотят оказать помощь своим родственникам и союз-

никам. Таким образом, благовидный предлог вполне соответствует понятию причин, о которых, как отмечает Фукидид, часто говорилось открыто.

Итак, в отличие от причин, поводом, приведшим к войне, Фукидид считал не речи союзников с той и другой стороны, которые раскрывали содержание причин и которые произносились открыто, а страх лакедемонян, опасавшихся дальнейшего роста могущества афинян, который, как подчеркивает Фукидид, несомненно, был скрыт.

Об этом Фукидид говорит в 88-й главе первой книги. В данном случае упомянутые в статье переводчики переводят это место у Фукидида идентично оригиналу. Согласно сообщению историка, лакедемоняне установили, что договоры нарушены и необходимо начать войну не столько под влиянием речей союзников, сколько из страха перед афинянами, опасаясь дальнейшего роста их могущества, они видели, что уже большая часть Эллады находится у них в подчинении.

Далее Фукидид раскрывает, как возникал этот страх, описывая обстоятельства, способствовавшие усилению афинян (Thuc. I.89). Эта часть истории Фукидида, начинающаяся с 88-й главы первой книги (Thuc. I.88–117), получила название в схолиях к Фукидиду «пятидесятилетие», где Фукидид рассказывает об образовании афинской морской державы.

В заключение необходимо отметить, почему Фукидид проводит принципиальное различие между поводом и причинами, в то время как переводчики и составители учебных пособий не придают этому особого значения, тем самым подменяют смысл терминов, используемых Фукидидом, и не учитывают своеобразия взаимоотношений между ними.

Фукидид жил в эпоху расцвета древнегреческой философии. Это было время развития старшей софистики. Мыслители придавали большое значение философскому содержанию терминов и понятий. Именно с этой точки зрения Фукидид и рассматривал понятия *повод и причины*. Он не случайно говорит, что «*истиннейший повод* был на словах наиболее скрытый, а о причинах же и распрях говорится открыто. Поэтому с философской точки зрения повод – это сущность, а причина – это явление. Сущность всегда является, т.е. раскрывается, через причины.

Древнегреческому философскому толкованию повода и причин как сущности и явлений более всего соответствует философия теории познания Канта, т.е. познания как постижения в себе сущего. В современной философии к толкованию повода и причин как сущности и явлений ближе всего суждения немецкого философа XX в. Николая Гартмана, принадлежавшего к Марбургской школе неокантианства, который считал, что сущность не может быть до конца познана [13–15]. Поэтому у Фукидида повод и характеризуется как наиболее скрытый.

Немецкий философ говорит о возможности познания явлений, т.е. конкретных фактов бытия, частично раскрывающих сущность. Это соответствует замечанию Фукидида о причинах, о которых говорилось открыто с обеих сторон. Поэтому современные переводчики «Ис-

тории» Фукидида, авторы учебников по истории Древней Греции и Рима, и интерпретаторы Фукидидовой истории Пелопоннесской войны, говоря о причинах и поводах Пелопоннесской войны, по меньшей мере, дают

неточное понимание текста Фукидида, смешивая понятия «повода» и «причин». Поэтому и точка зрения Г. Коквелла в его книге «Фукидид и Пелопоннесская война», опубликованной в 1997 г., является надуманной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукидид. История / пер. Ф.Г. Мищенко : в 2 т. М., 1887–1888. Т. 1. Кн. 1–4. СХХХII, 516 с. Т. 2. Кн. 5–8. Указатель. 540 с., переизд. : в 2 т. СПб. : София, 1994. 588 с.
2. Фукидид. История / пер. и примеч. Г.А. Стратановского ; отв. ред. Я.М. Боровский (Серия «Литературные памятники»). Л. : Наука, 1981. 543 с.
3. Thucydides A. History of the Peloponnesian War with an English translation by Ch. F. Smith. Harvard, 1956. Vol. I, Book 1.
4. Croix G.E.V.M.de The Origins of the Peloponnesian War. London : Duckworth, 1972.
5. Cawkwell G. Thucydides and the Peloponnesian War. L. ; N.Y. : Routledge, 1997.
6. Wooley C.L. Excavation at Al Mina, Sueidia // Journal of Hellenic Studies, 1938. Vol. 58. P. 1–30.
7. Badian E. From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore ; L., 1993. P. 125–162.
8. Andrewes A. Thucydides on the Causes of the War // Classical Quarterly. 1959. Vol. 53 (n.s.9). P. 223–239.
9. Fornara C.W., Samons L.J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley : University of California Press, 1991. 203 p.
10. Соболевский С.И. История греческой литературы. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 310 с.
11. Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. 211 с.
12. Колобова К.М., Глушкина Л.М. Очерки истории Древней Греции. Л., 1958. 345 с.
13. Hartmann N. Die Anfänge Des Schichtungsgedankens in Der Alten Philosophie // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1943. № 3. S. 1–31.
14. Hartmann N. Ziele Und Wege Der Kategorialanalyse // Zeitschrift für Philosophische Forschung. 1948. № 2. S. 499–536.
15. Gamp Rainer. Die Interkategoriale Relation Und Die Dialektische Methode in Der Philosophie Nicolai Hartmanns. Bonn : Bouvier, 1973.

Strogetsky Vladimir M. Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: vstrog@rambler.ru

TO THE INTERPRETATION OF THE THUCYDIDES TEXT ON THE REASONS AND OCCASION OF THE PELOPONNESIAN WAR.

Keywords: Thucydides; Peloponnesian war; lakidemonyane.

The aim of the research is to investigate different interpretations of Thucydides message about the reasons an occasion of the Peloponnesian War. The author's point of view as to the true reason of the Peloponnesian War – fear of Lacedaimonians to amplification the Athenians, and the reasons known to both parties were indicated based on the analysis of ancient Greek historian texts translations by the Russian authors Stratanovskiy and Mishchenko, and English translator Smith. The first reason was the creation of a defensive alliance between Epidamnom and the Athenians sought not to break peace with Peloponnesians peace, that lasts thirty years and at the same time convinced of the inevitability of war with them. The second reason was the dispute between the Athenians and Peloponnesians because of the Corinthian colony Potidaea and concerns of the first that Potideyans could attract the other Athenian allies in the Thracian coast. Considering the different points of view, the author makes a clear conclusion that Thucydides first described the causes and feuds, due to which the world had been broken and only then verily occasion, which on the words was the most hidden and consisting in the fact that the Athenians began to instill fear for Lacedaemonians and the rest of the Peloponnesians by their amplification, and that forced them to start a war. The author once again clearly carries the idea according to which the fear of Lacedaemonians, who feared the power of the Athenians further strengthening is the occasion, witch as stressed by Thucydides, was doubtless hidden. This conclusion he made by of reasoning about utilization by Thucydide the term “occasion” and analyzing the various translators interpretations, witch inadequate substituting it by the concept of reason. In conclusion of the article, the author with the philosophy positions reveals the uniqueness of the relationship the concepts of “reason” and “occasion” in the texts by Thucydides, who lived in the heyday of ancient Greek philosophy, during the development of the older sophistry: occasion – is the essence, and the reason – is the phenomenon that is always the essence is revealed through reason. This establishes a parallel between the ancient Greek philosophical interpretation of the occasion and the reasons of both essence and phenomena by Thucydides and the of Kant's philosophy theory of knowledge as a comprehension of things.

REFERENCES

1. Thucydides. (1994) *Istoriya* [History]. Translated by F.G. Mishchenko. Vol. 1. St. Petersburg: Sofiya.
2. Thucydides. (1981) *Istoriya* [History]. Translated by G.A. Stratanovsky. Leningrad: Nauka.
3. Thucydides. (1956) *A History of the Peloponnesian War*. With an English translation by Ch.F. Smith. Vol. 1. Harvard.
4. Croix, G.E.V.M.de (1972) *The Origins of the Peloponnesian War*. London: Duckworth.
5. Cawkwell, G. (1997) *Thucydides and the Peloponnesian War*. London; New York: Routledge.
6. Wooley, C.L. (1938) Excavation at Al Mina, Sueidia. *Journal of Hellenic Studies*. 58. pp. 1–30. DOI: 10.2307/626431
7. Badian, E. (1993) *From Plataea to Potidaea. Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore; London: JHU Press. pp. 125–162.
8. Andrewes, A. (1959) Thucydides on the Causes of the War. *Classical Quarterly*. 53(n.s.9). pp. 223–239. DOI: 10.1017/S0009838800041537
9. Fornara, C.W. & Samons, L.J. (1991) *Athens from Cleisthenes to Pericles*. Berkeley: University of California Press.
10. Sobolevskiy, S.I. (1955) *Istoriya grecheskoy literatury* [History of Greek literature]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
11. Nemirovskiy, A.I. (1979) *U istokov istoricheskoy mysli* [At the origins of historical thought]. Voronezh: Voronezh State University.
12. Kolobova, K.M. & Glushkina, L.M. (1958) *Ocherki istorii Drevney Gretsii* [Essays on the history of Ancient Greece]. Leningrad: Uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR.
13. Hartmann, N. (1943) Die Anfänge Des Schichtungsgedankens in Der Alten Philosophie [The beginnings of stratification in the old philosophy]. *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse*. 3. pp. 1–31.
14. Hartmann, N. (1948) Ziele Und Wege Der Kategorialanalyse [Goals and ways of categorial analysis]. *Zeitschrift für Philosophische Forschung*. 2. pp. 499–536.
15. Gamp, R. (1973) *Die Interkategoriale Relation Und Die Dialektische Methode in Der Philosophie Nicolai Hartmanns* [The intercategoryal relation and the dialectical method in the philosophy of Nicolai Hartmann]. Bonn: Bouvier.